

39. ТЕТКА ЗЛОСТЯ

Молодежь – инопланетяне, посещающие Землю с целью изучения и последующего переселения. Я активно общаюсь с ними в студенческой аудитории. Не скажу, что мы нашли полное взаимопонимание. Я не могу примириться с их небесной необязательностью, они же вполуха слушают мое моралите.

В минуты доверия инопланетяне признаются мне, что их привлекает и что страшит на планете Беларусь. За годы общения я выделил наиболее повторяющиеся аргументы за и против. Получается, молодежь влекут в Беларусь красивые ландшафты, отталкивают – злые старики.

Как выяснилось, земные старики не переваривают рюкзаки, привычные для инопланетян в аудитории, на тусовках, в общественном транспорте. Один инопланетянин показывал мне рюкзак с изувеченным карманчиком. Карман с бешенством оторвал в троллейбусе № 41 дедушка, когда паренек не отреагировал на приказание снять рюкзак с плеча и взять в руки. Одна инопланетянка расплакалась, когда рассказывала мне, как злая бабушка в автобусе № 100 обозвала ее проституткой только за то, что целовалась с инопланетянином.

Всех стариков Беларуси превзошли в злобе дедка и бабка из деревни З. Могилевской области. Внучка приехала из Минска погостить, бабка и дедка усадили ее за стол и первым делом не накормили с дороги, а стали допрашивать, как она проголосовала на референдуме – за президента или против. Девушка призналась, что птичку поставила в клеточке «против». Услышав внучкино «против», старички так разозлились, что ушли из хаты, оставив гостью одну за столом. Инопланетянка схватила рюкзачок, побежала на автобусную остановку, чтобы скорее улететь на планету, где нет бабушек и дедушек, политизированных до сумасшествия.

Злые старики являются для молодежи устрашающим символом Беларуси. Испытал и на себе. Когда я в качестве инопланетянина исследовал и открывал деревню Горск, одна злая старуха накинулась на меня как вампир.

Чтобы усилить привлекательность нашей земли, следует уменьшить озлобленность стариков. Чтобы уменьшить озлобленность, надо, разумеется, выяснить ее причины. Попробую показать злость в развитии, в конкретной ситуации и, как установил в хрониках, на автобиографических фактах.

Открываю семейный фотоальбом – и захлестывает чувство жалости к родителям. На матери выцветший сарафан, растоптанные тапочки, прохудившийся платочек. Отец в залатанном армейском кителе с большими карманами на груди. Отец и мать сидят на грубо сколоченной скамейке, вынесенной из хаты. Между родителями, за скамейкой, стою я, босой второклассник в коротких штанишках, штопанных-перештопанных матерью.

С утра я клянчил у матери пятьдесят копеек на кино. «Не мучай меня, ирод! Нет у меня копеек! На что я одевать вас буду?» – накричала на меня мать. Вечером я пошел под школьное окно. Через пятьдесят лет слышу, как

тарахтит в школьном саду движок, вижу, как голубым светом подрагивают в школе окна. Под окном толпа пацанов. Киномеханик не завесил окно, мы смотрим кино с улицы.

На фотографии отцу тридцать лет. Недавно его избрали колхозным бригадиром Горска. Помню поздний вечер, когда родители пришли из школы с собрания. Мать говорила отцу с упреком: «Что ты натворил, Коля! Отказаться надо было!»

В школу на следующий день я припелся полусонный. Не успел открыть калитку, как на меня налетели пацаны. «Хе, бригадирский сынок! Хе-хе, сынок бригадирский!» – кричали они, прыгая вокруг меня, корча мне рожи, свистя в пальцы.

Между мной и сверстниками встала незримая, но осязаемая перегородка. Вместе мы продолжали играть, лазить в чужие сады, смотреть под окнами школы кино, однако перегородка существовала. Чуть вспыхивал какой-либо конфликт, как я слышал презрительное: «Бригадирский сынок!»

Отец был вторым по счету бригадиром в Горске, где колхоз организовали в 1949-м. На собрании перебрали много мужиков как возможных кандидатов в начальники. Остановились на моем отце, молодом, бедном, сироте, выросшем в чужих людях возле коров, которых он пас с семи лет. Имея три класса польской начальной школы, по-русски он выучился читать и писать, будучи взрослым. Отец одним из первых в Горске окончил курсы при МТС и стал трактористом.

Чтобы в колхозной кассе завелись деньги, выращивали то, что давало быструю выручку. На Горском колхозном огороде под открытым небом (без теплиц!) родили огурцы и помидоры. Ранним летом у нас во дворе стояло много мешков, набитых овощами. Хоть бы огурчик отец позволил достать! «Людам не даю, и вам не дам! – сердито говорил мне и брату. – Съели на поле парочку – хватит!»

Утром, в темноте, мужчины грузили мешки на подводы, под началом бригадира отправлялись в Березу на базар. Вечером возвращались с базара возбужденные торговлей. Заходили к нам в хату, вытряхивали из мешка на стол деньги, принимались считать. Шевелили губами, закатывали глаза, подсчитывая в уме, слюнили химические карандаши, записывая цифры на газетных обрывках. Мятая денежная куча превращалась в аккуратно выглаженные разноцветные пачки.

– Нам, хлопцы, по пятьдесят рублей за работу, – говорил отец, завязывая мешок с пачками. – Не мало, хлопцы?

– Да что там, Микола, как раз! – говорили «хлопцы», принимая от отца деньги. – Ты бы себе десятку набросил. Во, хата еще голая, пацанов двое. Ходи сюда! – подзывал меня какой-нибудь дядька. – На! – Давал мне огромный рубль. – На кино тебе. И чтоб батьку слушал!

Мужчины тяжело поднимались, расходились по домам. Отец запрягал бригадирского жеребца, уезжал в Подкраичи в контору. Там он сдавал в кассу деньги, получал от председателя указания на завтра. Возвращался в Горск

поздним вечером, заводил на колхозный двор жеребца, приходил домой, вечерял, ложился спать, чтобы завтра утром снова встать чуть свет.

Зажав в ладошке рубль, я мчался в кино. Не отдышавшись, хвастался рублем босоногим зрителям, собравшимся под окном школы. Я был богач, мог купить билеты себе и другу Ваське Козловичу.

–А я знаю, где он рубель взял! – неожиданно закричал мой лютей детский враг Иван Козлович. – Это его батька у людей украл. Ага, украл! Я слышал, мамка говорила. Украл, бригадирский сынок.

–Украл! Бригадирский сынок! – обрадованно завизжала, завозилась вокруг меня пацанва. Кто-то подпрыгнул, пытаюсь схватить рубль, и тут же получил от меня зуботычину. Кто-то толкнул меня сзади, я полетел на траву. Кто-то наступил на руку, выдавливая из ладошки рубль. Кроме Васьки, у меня были приятели, они поспешили на помощь. Кто-то свистнул, подав сигнал о начале кино. Мы бросились к окнам.

После кино драка не возобновилась: мы искали пропавший рубль. Супротивники позволили себя обыскать, чтобы подтвердилась их честность. Мы шарили по траве, да где там найдешь в темноте затоптанную бумажку.

Свой рубль я нашел назавтра, прибежав к школе рано поутру. Отец ушел на наряд, рубль я отдал матери со словами: «Мне не надо ваш краденый рубль!» Мать все поняла, не накричала, расплакалась.

Плачущая мать – вот чем врезалось в память отцово бригадирство. Отца норовили затащить на свадьбу, на родины, на поминки и щедро угостить. Домой он приходил пьяным. Мать плакала. На следующее утро отец клялся и божился, что больше не будет, а мать плакала. Отец с мужчинами уходили на болото стеречь от ночных воров колхозное сено. Мать плакала. После работы женщины взяли с колхозного огорода по кошу помидоров. Отец догнал их на жеребце, заставил вернуться на поле, высыпать помидоры в кучу. Мать, узнав об этом, зарыдала: «Они проклянут нас!» – «Ерунда, – хмуро отвечал отец. – Зато красть не будут».

Отцово бригадирство я воспринимал как наказание, неведомо за что постигшее нашу семью. Так я думал, когда видел плачущую мать. Когда же отец брал меня с собой и мы ехали в поля на его возке с черным мягким сиденьем, когда я видел, как почтительно здороваются с ним дядьки, как игриво охорашиваются перед ним тетяки, – я наливался гордостью. Было приятно, что отец бригадир.

Жарким летним днем мы приехали на поле, которое называлось За Осовым Лугом. В Горске, выросшем на сыпучей горе, картошка и рожь мучились, поэтому приусадебные участки нарезали в поле. По полю белели женские платки, бабы усердно жали серпами свои полоски. «Вот что, сыне, – сказал отец, – я пойду сюда, а ты беги в ту сторону, скажи бабам, чтобы собирались к тому дереву».

Пока я бежал, отец переменялся. Каждую женщину встречал шуткой-прибауткой. Заботливо отбирал у каждой серп, складывал на возок: «Пусть полежит, и ты посиди в холодке, Настя, отдохни». Женщины, дезориентированные таким обхождением, без слов снимали с плеча серп.

–Что ж вы натворили, бабоньки? – с укоризной обратился отец к женщинам. – Колхозное бросили – пусть сгниет?

–А свое – тоже пусть гниет?

–Так свое молодое, бабоньки! Не сгниет. Оно на неделю позже сеяно, или забыли? Завтра коровки подоите, печки попалите – и на колхозное жито. Надо выхватить, бабоньки, пока жара! А серпы ваши я туда сам привезу, чтобы вам легче было.

–Отдай серп, голодранец! – крикнула одна тетка, кинувшись к возку.

Отец опередил ее, выхватил из кучи серп (как он его запомнил?).

–Этот ваш, тетка?

–Отдай серп, пастух! Гад! Кто тебя поставил на нашу голову?

–Люди поставили, тетка. И чтоб ты их не баламутила, твой серпок полежит во-он где...

Сильным взмахом отец швырнул серп от себя. «Вж-ж-ж!» – пропел серп в воздухе и исчез в лесу. Сколько потом ни искали его, не нашли, пришлось отдавать взамен наш.

Вечером к нам в хату явился сын злой тетки, назову ее: Злостя. От злости он колотился.

–Кто тебе дал право отбирать личное имущество членов колхоза? – с угрозой подступил он к отцу.

–Ты – член колхоза? У тебя за год двадцать выходов.

–Сволочь! – выкрикнул бешеный сын тетки Злости и ударил отца в лицо.

Отец мой был мужичок невысокий, но крепкий. От короткого взмаха его руки гость вылетел в сени. Отец рванулся туда, мать обхватила его за шею, повиснув на нем: «Колечка, подумай о детях!»

Всю ночь у нас никто не спал. В кухне коптила забытая лампа. Мы с братом, тоже забытые, молча лежали, вслушиваясь в голоса отца, матери. «Откажись, уходи!» – «Брошу! Я не железный!»

Отец не бросил бригадирство назавтра же: не разрешили. Еще полтора года он был на «собачьей работе» (выражение мамы). Председатель колхоза, секретарь райкома не раз приезжали к нам домой, выпивали с отцом, уговаривали вступить в партию. Не уговорили.

Бригадирского сынка периодически подстерегала тетка Злостя, кричала, чтобы слышал народ: «Выродок бригадирский! Отдай серп!»

Серп возвращался ко мне бумерангом. Я жил в страхе быть опять оскорбленным, проклятым. Хату тетки Злости обходил стороной. Заметив ее в магазине, на улице, убегал.

... Иду, седой снаружи и юный внутри, по родной улице, здороваюсь с последними стариками, сидящими на скамеечках. Вижу: у калитки стоит, грузно опершись на палку, девяностолетняя старуха Злостя. Смотрит на меня

из-под руки. Узнала или не узнала? Только открыл рот, чтобы поздороваться, как Злостя демонстративно развернулась, поковыляла на троих ногах в хату. Значит, узнала.

Это была наша последняя встреча. Вскоре старуха умерла.

Уточню: в мир иной ушла старуха, но не Злостя. Злостя будет поджидать меня у калитки до тех пор, пока не развалится ее хата, не стниет и не прорастет травой забор, не вымрет Горск, не вернется на песчаную гору сосново-березовый лес, не появятся здесь инопланетяне, не выкорчуют лес, не оснут общество, которое бы не порождало социальную злость.

Психически здоровая женщина, рабочая «лошадь» деревни, мать двоих детей, несварливая жена стала Злостью после того как колхоз имени Димитрова забрал у нее поле и лес, ради которых отец тетки Злости в начале двадцатого века ездил на заработки в Америку. Ему повезло, он не дожид до коммунистического (колхозного) обобществления собственности, труда, капитала. Он – не отец Злости.

Тетка Злостя – продукт тоталитарной системы. Отнятый отцом при моем участии серп для тетки был последним знаком человеческого достоинства. Персонифицировав метателя серпа в причину всех несчастий, гордая тетка нашла спасение от психологического срыва. Став Злостью, она вынесла бесплатные трудодни-палочки (видел их в бригадирской тетради отца), пережила идиотские налоги на яблони, не сошла с ума от обесцененной сберкнижки, привыкла к демагогии Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, Кебича, в 1994-м поверила Лукашенко. Последнему она поверила потому, что он заговорил с ней на ее же языке – языке Злости.

В 1994 году кандидат в президенты Лукашенко клялся искоренить бюрократизм и лживость власти. Народная неприязнь к чиновникам служила ему политической платформой.

Ошибочно называть Лукашенко «случайным президентом», как выражаются его противники, от недалекости не разумея, что говорят и что делают. Он органично встроен в массовое сознание. Референдум-2004 подтвердил, что большинству белорусов по душе избранник Злости и АТН (агентство телевизионной ненависти).

Чтобы возбудить в народе новую волну злости, 17 ноября 2004 года в пространной речи в парламенте, при подписании итогов «победного» референдума, Лукашенко традиционно громил чиновников за бюрократизм, лживость, рекламные щиты, свет фар. Он знает, что злость – отличный наркотик.

После каждого референдума (1995, 1996, 2004) в белорусской атмосфере прибавляется злости. Поведенческие конфликты поколений, естественные для любого народа, у нас политизируются, превращаются в семейно-политические трагедии. Наши авторитарные тещи пилят зятьев с удвоенной энергией. Наши ревнивые свекрови мучают невесток с утроенным садизмом.

Двенадцать (1994-2006) лет президентства Лукашенко – закономерный период в истории Беларуси. Белорусы довольствуются малыми подачками

всемирного избранника, воспринимая их как системное улучшение жизни, не понимая отставания от народов Прибалтики, Польши, США.

Трагический самообман белорусов, возможно, пройдет с уходом обозленных старших поколений, неприязательные ожидания которых Лукашенко сегодня удовлетворяет. А, может, и не пройдет, если завтра Лукашенко удастся удовлетворить несколько возросшие потребности молодых поколений. Предпосылки компромисса молодежи и злости наяву: автомобилизация, улучшение дорог и связи, рост зарплат, стипендий и пенсий, успехи в машиностроении, удача с урожаем, обилие веселых мероприятий, небезуспешная суэта БРСМ...

Если социально-психологический компромисс на отечественном уровне потребностей и возможностей будет достигнут к 2006 году, то агрессивно-уходящее большинство предоставит Лукашенко третий срок президентства. Третий означает пожизненный.

Что же делать меньшинству? Примкнуть к компромиссу, учитывая, что жизнь дается один раз? Свернуть в тупик пожизненной борьбы, куда зовут профессиональные оппозиционеры, обозленные неудачами? Смириться с мыслью, что придется жить и умереть при Лукашенко? Отчаяться, запить, опуститься на дно? Спаситься по методу тетки Злости, жизнью доказавшей, что удовлетворенным человек может быть не только в любви, но и в ненависти?

Жалею молодых! Понимаю, как сложно им ориентироваться в стране, где президент выключает свет в автомобилях на дороге.

2005